

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. В. Сайгин

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 18 марта 2013 г.

Аннотация: статья посвящена языковой экспликации когнитивных признаков концепта «грех» в современном русском языке, выявленных посредством анализа основных лексикографических источников. Анализ языковой экспликации концепта заключается в верификации его когнитивных признаков на основе рассмотрения парадигматических, синтагматических и словообразовательных особенностей функционирования данного слова и его дериватов.

Ключевые слова: концепт «грех», концептуальный анализ, когнитивные признаки, смысловое наполнение, языковая экспликация.

Abstract: the paper analyses means of linguistic explication of the concept SIN in modern Russian language. The research draws on the data from various dictionaries. The research includes paradigmatic, syntagmatic and word-formation analysis of the word «grekh» (sin) and its derivatives. This allows for verification of the major cognitive features of the concept SIN.

Key words: concept SIN, conceptual analysis, cognitive features, meaning content, linguistic explication.

Концепт «грех» в русском национальном сознании изначально являлся одним из ключевых культурных концептов, определявших важнейшую духовную и ценностную сферу народного мировидения. Это подтверждается широким распространением данного слова в свободных и устойчивых сочетаниях, его активным включением в синонимические и антонимические отношения, его богатыми словообразовательными возможностями.

Согласно принятой методике концептуального анализа, разработанной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского [1], выявим когнитивные признаки концепта по данным основных толковых и этимологических словарей русского языка, установим первичный состав когнитивных признаков концепта и его семантическую структуру и осуществим анализ языковой экспликации концепта посредством описания парадигматических, синтагматических и деривационных особенностей слов-репрезентантов концепта «грех». Для верификации выявленного концептуального содержания «грех» в русском языке последних лет используем языковой материал Национального корпуса русского языка за период с 90-х гг. XX в. по настоящее время.

В результате первоначального анализа, проведенного по данным основных толковых и этимологических словарей [2], смысловый объем концепта «грех»

составили следующие 11 когнитивных признаков, среди которых только три признака выступают в качестве религиозных (1–3):

- 1) нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию);
- 2) состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом;
- 3) нарушение религиозных предписаний, правил;
- 4) нарушение предписаний, правил нравственности;
- 5) проступок, преступление;
- 6) ошибка;
- 7) состояние (чувство, ощущение) вины (выступает как семантическое расширение религиозного признака 3 за счет элиминации религиозного компонента ‘перед Богом’);
- 8) порок, недостаток;
- 9) беда, несчастье;
- 10) ощущение неправильности, предосудительности (своих действий);
- 11) распутство.

Анализ вхождений компонента «грех» в виде *не грех* в состав устойчивых фразеологических единиц позволил обнаружить еще один признак – ‘человеческая слабость’.

Анализ языковой экспликации концепта, который состоит в верификации выявленных когнитивных признаков, осуществляется на следующей основе:

- 1) парадигматических особенностей языковой экспликации концепта «грех», отраженных в его си-

нонимических, антонимических, гипо-гиперонимических отношениях;

2) синтагматических особенностей его языковой экспликации, отраженных в типовой свободной и устойчивой сочетаемости;

3) словообразовательных особенностей, отраженных в организации его словообразовательного гнезда и в семантике дериватов.

Парадигматические особенности языковой экспликации концепта «грех» рассматриваются по данным основных словарей синонимов и антонимов, подтверждающим выявленные когнитивные признаки концепта «грех».

Так, двухтомный «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (1970) включает «грех» в синонимический ряд, доминантой которого является слово «проступок»:

Проступок (поступок, нарушающий какие-либо нормы, правила поведения) – *провинность* – **грех** – *грешок* (шутл.) – *прегрешение* (устар.) – *согрешение* (устар.) [3].

Это доказывает преимущественно светскую трактовку концепта «грех» в данном словаре, вышедшем в советское время. По мнению составителей словаря, основное содержание концепта «грех» в современном русском языке – внерелигиозное, связанное с когнитивным признаком ‘проступок, преступление’, составляющим ядро данного концепта.

Синонимический ряд актуализует также другие внерелигиозные когнитивные признаки ‘состояние (чувство, ощущение) вины’ и ‘нарушение предписаний, правил нравственности’, объединенные в лексеме *провинность*. Отметим и отражение десакрализации понятия «грех» в синониме *грешок* с характерной пометой «шутл.».

Как устаревшие в данном словаре помечены слова, отражающие религиозные когнитивные признаки данного концепта ‘нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)’, ‘состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом’, ‘нарушение религиозных предписаний, правил’, ‘состояние греховности’ – *прегрешение* (устар.) и *согрешение* (устар.)

Анализ русских словарей антонимов выявил примечательный факт отсутствия антонима к слову «грех» [4]. Отсутствие антонима непосредственно к слову «грех» может косвенно свидетельствовать о том, что в русском языковом сознании не концептуализируется представление о полноценной альтернативе греха как положительному полюсу на условной семантической шкале – нет словесного знака, обозначающего понятие ‘отсутствие греха’. Возможно, это как-то связано с идеей об изначальной греховности человеческой природы, у которой нет альтернативы.

Синтагматические особенности языковой экспликации концепта «грех» выражаются в его стандартной глагольной, субстантивной и атрибутивной сочетаемости, а также в его возможности занимать определенные синтаксические позиции (например, быть в функции предиката) и др.

Показательными являются случаи, когда сочетаемость слова «грех» приводит к его семантическим преобразованиям по типу контекстуальной метафоризации и метонимизации.

С точки зрения принадлежности к лексико-грамматическому разряду в системе языка слово «грех» относится к категории абстрактных существительных – в значении ‘состояние’, хотя и с возможностью конкретизации в значении ‘(конкретный) поступок’.

Однако в когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джекендофф и др.) уже давно отмечалось, что абстрактные понятия в наивной картине мира, которую репрезентирует система естественного языка, всегда подлежат конкретно-чувственному переосмыслению. Этот процесс получил название *реификация* (овеществление абстракции). Другая сторона этого явления – *одушевление* (рассмотрение неодушевленной сущности как одушевленного объекта). Базой такого овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора [5].

Языковая экспликация концепта «грех» в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Так, нами обнаружены случаи перехода абстрактного существительного «грех» в лексико-грамматический разряд конкретных существительных:

1) по модели ‘абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь’, в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *закапывать старые грехи*; *грех на совести лежит*; *греха не видеть*; ср. также в сочетании *грех пополам*; в этом случае «грех» осмысливается как вещь, продукт, вообще как чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно производить разнообразные конкретные действия;

2) по модели ‘абстрактное понятие → среда или вмещилище’: *впасть* [т.е. погрузиться] *в грех*; *жить в грехе*; *погрязнуть в грехе*; «грех» здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3) по модели ‘абстрактное понятие → вещество, субстанция’: *вкусить греха (грех)*.

Встречаются контексты, в которых «грех» подвергается метонимическому одушевлению, т.е. словом «грех» именуется одушевленный источник греха: *грех попутал = черт / бес попутал*; «грех» выступает как одушевленный агент – активный субъект действия: *грех рождает смерть*, – или как объект действия, в область применения которого в норме входит одушевленное существо: *убить грех*.

Сама возможность овеществления или одушевления абстрактного существительного является обычной для «наивной картины мира», и подобные контексты свидетельствуют об определенной «приземленности» в трактовке греха в обыденном сознании носителей языка, об актуализации и обогащении внерелигиозного компонента его концептуального содержания.

Словообразовательные особенности языковой экспликации концепта «грех» выражаются прежде всего в структуре системно-языкового словообразовательного гнезда с вершиной «грех» и в словообразовательной семантике слов, составляющих это гнездо.

Словообразовательное гнездо с вершиной «грех» анализируется по двухтомному «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова (1985). Гнездо с вершиной «грех» в современном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 36 производных слов разной степени производности по отношению к исходному «грех» [6].

Анализ структуры словообразовательного гнезда позволяет сделать вывод о том, что разветвленность данного гнезда свидетельствует о богатстве концептуального содержания и культурной разработанности понятия «грех» в русском языковом сознании.

Широко представлены адъективная область: *грешный, греховный, безгрешный, безгреховный, небезгрешный, многогрешный, погрешительный, непогрешительный, непогрешимый* (9 дериватов) и глагольная область: *грешить, нагрешить, погрешить, согрешить, прегрешить, греховодничать, нагреховодничать* (7 дериватов).

Это свидетельствует об активности представления о грехе, с одной стороны, как о признаке, свойстве, атрибуте человека, а с другой – как о действии, состоянии субъекта.

Семантика дериватов на базе исходного «грех» в основном актуализует большинство из отмеченных ранее 11 когнитивных признаков концепта «грех». Основные дериваты: прилагательное *грешный* и глагол *грешить* – совмещают в себе как религиозный, так и внерелигиозный компонент концептуального содержания «грех».

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутивное, т.е. несерьезное отношение к нему, проявляет себя в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объема концептуального содержания «грех» проявляет такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова – ‘ошибка,

неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чем-л.’: *погрешность в вычислении; стилистические погрешности*, – и поэтому распространяет это понимание на неодушевленные предметы, вещи – ‘недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т.д.’ [7]: *погрешности в моторе трактора*.

Иными словами, «грешить» могут даже неодушевленные объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании.

Тенденцию к дальнейшей десакрализации концепта «грех» подтверждают и данные Национального корпуса русского языка. Прежде всего это проявляется в расширении сферы применимости данного концепта за счет его употребления по отношению к таким сугубо светским областям действительности, к которым раньше это понятие было неприменимо:

1) **‘Финансовые грехи’**: *Должникам приходится расплачиваться за чужие финансовые грехи.*

2) **‘Экономические грехи’**: *«Первородный грех» белорусской экономики.*

3) **‘Политические грехи’**: *Политические «грехи» большевизма, как источник сталинизма.*

4) **‘Грехи органов власти и чиновников’**: *Безхозяйственность, халатность, неисполнение судебных решений, вымогательство – набор чиновничьих грехов будет неполным без чего?*

5) **‘Национальные грехи’**: *Есть национальные грехи ... их очень много, между прочим.*

6) **‘Спортивные грехи’**: *Опоздание на тренировку – это ведь не главный из возможных грехов.*

7) **‘Научные грехи’**: *Исследование стволовых клеток грех или грех науки?*

8) **‘Педагогические грехи’**: *Лучше скажи мне что-нибудь приятное, я на смертном одре, отпусти мне педагогические грехи...*

9) **‘Грехи искусства’**: *Впоследствии выступать с органом стало необходимым для меня, а исполнение старинной музыки я считаю «очищением от вокальных грехов».*

Еще одним доказательством десакрализации концепта «грех» в современном русском языковом сознании выступает возможность изменения традиционной негативной оценочности этого понятия на положительную (примеры есть в материалах Национального корпуса русского языка). Это проявляется в атрибутивной сочетаемости слова *грех* с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой – *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый* и пр.: *Красивый грех к себе манил...; «Очаровательный маленький смертный грех»; Приятный грех човеугодия.*

Таким образом, для некоторых видов греха современные языковые данные демонстрируют приоб-

речение положительно-оценочной коннотации на базе представления об удовольствии, которое могут доставлять человеку такие грехи, как пьянство, прелюбодеяние, чревоугодие, лень и пр. (при сохранении при этом в целом негативной оценочности, исконно присущей данному концепту в русском национальном сознании).

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора : метод. пособие для студентов-филологов / сост.: Т. М. Горшкова, Л. И. Ручина. – Н. Новгород : ННГУ, 2002. – 24 с.

2. Сайгин В. В. Смысловое наполнение и семантическая структура концепта «грех» в современном русском языке (по данным толковых и этимологических

словарей) / В. В. Сайгин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2013. – № 3.

3. Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : АН СССР : Институт русского языка, 1970. – Т. 1.

4. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М. : Русский язык, 1985.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал, 2004. – 256 с.

6. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : ок. 145 000 слов : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1.

7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985. – Т. 1.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

Сайгин В. В., аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания

E-mail: saigin@unn.ru

Тел.: 8(831)462-30-05

N. I. Lobachevsky Nizhni Novgorod State University

Saigin V. V., Post-graduate Student of the Modern Russian Language and General Linguistics Department

E-mail: saigin@unn.ru

Tel.: 8(831)462-30-05